

Люба устроилась на рынок торговать игрушками.

Не сразу, конечно, пришлось тётке Вале похлопотать. А без работы сидеть Люба уже не могла, стыдно было тёткин хлеб задарма есть, а устроиться хоть куда-нибудь не получалось. Вот Люба и согласилась. Согласилась почти сразу, деньги, пусть и небольшие будут, да и на людях, на виду, интересно всё-таки, а дома сидеть в её-то годы не пристало. Мало ли как дальше повернётся.

В первый день хозяин показал место, помог разложить игрушки, показал, как складываются “трансформеры”, как вставлять батарейки в машинки и танки, как работают мобильники, дал тетрадку с ценами и подмигнул, уходя:

— Ты пока тренируйся, я скоро подойду.

Люба принялась разглядывать игрушки. Повертела в руках танк, “позвонила” по мобильнику и начала крутить “трансформер”.

— Чо, самой интересно?

Люба подняла голову.

— Первый день, красавица?

— Меня Люба зовут, — смутилась Люба.

— А я — Муся! Я из соседней торговой точки.

— А-а? — хотела спросить Люба.

— Никаких отчеств. Муся, и всё тут. Меня здесь все так зовут. Я в этом ряду как бы смотрящая! Поняла?

— Да чего уж непонятного, — сникла Люба.

— Да ты не тушуйся, я ж говорю — как бы смотрящая, а надсмотрщиков тут и без меня хватает.

— А почему сковородка, кто сковородки продаёт? — постучал пальцем по сковороде прилично одетый мужчина.

Муся быстренько встала за прилавок.

— Это лучшая в мире сковородка, сама жарит, солит и переворачивает, — затараторила она, — специальная разработка военно-промышленного комплекса, изготовлена из останков НЛЮ, сбитого под Серпуховом в восемьдесят втором. Слыхали эту историю?

— Ну, конечно. Не только слышал, а сбивал эту самую тарелку, я под Серпуховом служил в восьмидесятых. Только не пойму, мы-то сбили тарелку, а почему из неё сковородки делают?

— О как! — развела руками Муся. — А с виду — приличный мужчина...

— Да я серьёзно, — мужчина понизил голос. — Я как раз заступил в тот день на боевое дежурство. И вдруг из караулки звонок — над частью зависла летающая тарелка. Глядим на локаторы — ничего! А из окна видно — висит эта самая тарелка. Ну, мы и шарахнули по ней тремя ракетами “земля—воздух”. Она вдребезги. Подбежали, осколки стали разглядывать. Серебристый металл, лёгкий, прочный, я тогда подумал: а хорошо бы из него кастрюли делать, вот бы хозяйкам понравились.

В соседних, по выражению Муси, торговых точках притихли и напряжённо вслушивались.

— Ладно, — заулыбалась Муся, протягивая сковороду, — бери за триста пятьдесят, хоть и четыреста ей цена. Сделаешь жене подарок.

— С виду солидный мужик, а брехло-о! — поморщилась Муся вслед мужчине.

— А сама-то заливать горазда! — подморгнула продавщица женского белья.

— Так это ж маркетинг такой. Мне положено, а ему неприлично порядочную женщину в заблуждение вводить, — Муся кокетливо поправила рыжие локоны и выпятила грудь. — И ты, Любаша, тоже подтянись. Вон, вся красота мира за пазухой, а ты сутулишься. На такие формы покупатель валом валить должен.

— Ты девку не развращай. На самой пробу ставить некуда, и других с толку сбиваешь, — шутливо укорила Мусю продавщица из модуля напротив.

— А я не развращаю, я правду говорю. Пусть не думает, что мы тут игрушками да трусами торгуем. Мы собой торгуем. Мы молодость свою продаём! Эх-ма!

Муся наклонилась и достала из сумки бутылку самогона и пластиковые стаканчики.

— О! Первый покупатель мужчина! Значит, день удачный будет, обмоем что ли? Как раз и музыкант идёт. Эй, музыкант, тащи свои пирожки, беляши и прочую требуху, у нас новенькая, глядишь, женит тебя на себе. Вишь, какая красота за пазухой, была б я мужиком, просто так ни за что б мимо не прошла.

Невзрачный паренёк притащил большую сумку с пирожками и термосами.

— Есть с яблоками, с картошкой, с капустой, с горохом, есть беляшки, чебуреки, горячий кофе, чай, каркадэ.

Муся взяла пару чебуреков.

— Кофий сегодня пить не будем, — Муся тронула плечо Любы. — А вот наша Любаша, вишь, какая дивчина, загляденье, женись прям щас, и свадьбу тут же сыграем, у меня и выпить припасено.

Пареньк глянул на Любу, и его слегка оттопыренные уши начали нали-ваться жаром.

— Костик, не робей, — не унималась Муся, — бери девку в оборот...

— Да уймись ты, окаянная, — перебила Мусю продавщица из модуля напротив, — пусть доучится парень. Дай-ка, Костик, и мне беляшик.

— Давай, Егоровна, присоединяйся, щас мы на троих сообразим, прав-да же, Любаша.

Костик дал Егоровне сдачу и засеменил по ряду, выкрикивая: “Горячий кофе, чай, каркадэ, домашние пирожки, беляши, чебуреки...” Люба с ин-тересом смотрела ему вслед, и сквозь ровный базарный гул до неё долетало: “Горячий чай... пирожки... каркадэ...”

— А зачем вы его музыкантом зовёте? — повернулась Люба к Мусе.

— Так он же скрипач, в музучилище учится, а здесь подрабатывает, мать пирожки печёт, а он продаёт. Ну, так что, примешь на свою роскош-ную грудь сто граммов? — протянула Муся стаканчик.

— Спасибо.

— Вот и чебурек бери, — ухаживала за Любой Муся.

— Да что ж ты к её сиськам приценилась, — подошла Егоровна, — или завидуешь?

— А что, есть чему позавидовать, моя-то молодость уж на излёте, хотя своего ещё не упущу, — Муся подбоченилась.

— Плесни и мне, — протянула стаканчик Егоровна, — может, расту-рюсь.

— Давайте, красотки, за знакомство и хорошую торговлю! — Муся зал-пом выпила и со вкусом принялась жевать чебурек.

Егоровна пила медленно, зажмурившись, с трудом глотая. Люба отпила всего чуть-чуть и поставила стаканчик на прилавок.

Всё было в диковинку: и базарная толчея, и кастрюли со сковородками и чайниками на прилавке у Муси, и нижнее бельё, которым торговала смуг-лая женщина с грустными большими глазами, и любопытные покупатели, нахально разглядывающие продавцов, и облака, плывущие в ясном августов-ском небе, и седая, мужиковатая Егоровна, продающая джинсы в модуле на-против, и болтливая, спивающаяся Муся — всё. Потому что Люба впервые в жизни видела всё это не как обычный человек, а совсем другими глазами, из рыночного модуля...

— А ты сама-то местная? — вытирая руки носовым платком, спросила Муся.

— Нет, я из Весёлого.

— А чего ж сюда приехала? — с любопытством заглянула в глаза Муся.

Люба не стала рассказывать, что жить в родном селе Весёлом ей было совсем не весело. Что бросил её Колька, не сдержал слово, укатил в неизвес-тном направлении. То ли в армию нанялся, то ли на севере пробавляется. И пришлось Любе аборт делать. А как жить среди пересудов односельчан, ворчания матери и колкостей друзей и подружек? Да и с работой ничего не получалось. Вот и приехала Люба к тётке. Прожила почти две недели, по-торкалась в разные офисы и отделы кадров и вот устроилась торговать иг-рушками.

— Да так получилось, — потупилась Люба. — Теперь вот у тётки живу.

— Ну, ничего, оботрёшься, тут все обтираются. Вон Егоровна поперва тоже смушалась, а щас — бизнесменша хоть куда! Так, Егоровна? — хихик-нула Муся. Егоровна махнула рукой и кисло поморщилась. — А чой-то ты морщишься, али не по тебе работёнка после горячего цеху? Вот зима насту-пит, и поморозишь свои косточки, жар да пар из тебя и выйдут. А то на за-воде, поди, перегрелась за тридцать-то лет. Считай, на курорте всю жисть пробыла. За что ж тебе пенсию хорошую платить?

— Да уймись ты, балаболка, — отмахнулась Егоровна.

— Или вон Нанка, — распялялась Муся, — вишь, как ловко лифчика-ми торгует, а по весне и говорила-то по-русски с трудом, а щас как залопо-чет, не остановишь. Так, Нан? Лифчики — эт тебе не химию в институте химичить, тут особый замес нужен!

Нана укоризненно глянула на Мусю и отвернулась.

Подошла молодая пара. Люба немного растерялась, суетливо начала предлагать машинки, танки, мобильники, но парочка, повертев в руках игрушки, не сказав ни слова, удалилась.

Торговля шла ни шатко ни валко. Одна молодая мама купила своему мальчугану пистолет, пожилой дяденька долго вертел в руках “трансформер”, а потом купил мобильник, да подходили ещё несколько человек, но так ничего и не купили. Пришёл хозяин.

— Ну, как, освоилась? — улыбнулся он.

— Почти. Кое-что купили, — похвасталась Люба.

— Хорошо, потом отчитаешься. Вот ключи от модуля, в четыре можешь закрываться, а завтра в девять как штук. На днях “мякишей” подвезу, дело веселей пойдёт.

— А мякиши это кто?

— Не кто, а что. “Мякишами” я мягкие игрушки называю. Давай, трудись, пролетарий.

Хозяин подбросил ключи от машины, ловкий поймал и залавировал меж покупателей.

Через две недели Люба освоилась. Она уже не смущалась, когда подходили покупатели, расхваливала игрушки, строила глазки мужчинам и старалась подсунуть малышам игрушку подороже в надежде, что родители не откажут своим любимым чадам.

Хозяин платил, как и договорились, в конце каждой недели наличными, но трудовую книжку брать не спешил, так что Люба работала нелегально, но претензий предъявлять не собиралась — всё-таки какая-то работа. Деньги хозяин платил небольшие, приходилось на всём экономить, ведь если тратиться на обеды, туалет и учесть дорогу до рынка и назад, то оставалось совсем мало, поэтому Люба брала с собой бутерброды и термос с чаем, а пирожки у Костика, который теперь заходил в её ряд чаще, брала редко.

Любе чем-то нравился Костик, но больше он её смешил своим смущением. Когда Костик подходил к её модулю, у него неизменно краснели уши, он суетился, прятал глаза, а Люба, чтоб ещё больше смутить парня, ласково улыбалась и как бы невзначай прикасалась к нему.

Как прошёл август, Люба и не заметила. Торговая суета, заигрывания покупателей, пересчёт товара, отчёты перед хозяином, незлобные подковырки Муси, вкус дешёвой колбасы с батоном, обжигающий чай, усталость к вечеру — вот и всё, что помнилось.

Сентябрь выдался дождливый. Покупателей с детьми стало меньше. Но Люба уже научилась “иметь свой интерес”, как выражалась Муся. Она, не стесняясь, накидывала на цену десятку, а то и две, потом сбрасывала пятёрку, и покупателям казалось, что они выгодно купили игрушку. Так что Люба в хороший день была при наличных. Поначалу Люба нервничала. Ей думалось, что она делает что-то нехорошее, что она обманывает покупателей и хозяина, что она даже как бы ворует, но со временем Мусины насмешки и постоянная нехватка денег сделали своё дело, и Люба привыкла. Да и Егоровна, и Нана, и все так делали. А как иначе прожить на те деньги, что давал хозяин, а так хочется купить модные джинсы, красивое бельё, блузку. А к зиме надо сапоги и что-то тёплое, и хочется помочь тётё Вале, за квартиру хоть иногда заплатить, купить хорошей еды...

Егоровна частенько ворчала, когда после удачной торговли они втроём — Муся, Егоровна и Люба — заходили в кафе перекусить.

— Ты б, деваха, искала работу хорошую, — бурчала себе под нос Егоровна, с трудом глотая пиво. — Пропадёшь ты на этом базаре ни за грош. Ни здоровья, ни красоты, ни денег не будет. Пустое это всё.

— Во-во! — подхватывала Муся. — Замуж выходи за бизнесмена. Пока при теле. Молодость, известное дело, товар скоропортящийся. А так построена будешь. Он будет тебе гроши зарабатывать, а ты их будешь тратить да по мужикам бегать, пока он эти самые гроши зарабатывает.

— Да уймись ты, балаболка, — махала на неё рукой Егоровна, — сама непутёвая и других сбиваешь.

— А что ж ей при таких-то формах на стройку или на завод идти, — не унималась Муся. — Чтоб, как ты, проишачить весь век ни за грош, а потом прирабатывать себе на похороны. На пенсию только в целлофановом мешке до ближайшего мусорного ящика и донесут, а дальше пешком иди.

— Побойся Бога, — крестилась Егоровна. — Чего буровишь-то!

После таких разговоров Люба приходила домой и подолгу лежала на диване. На вопросы тети Вали отвечала неохотно, да и что она могла сказать? Что-то топило её душу, что-то такое, в чём Люба не хотела себе признаваться, ей хотелось верить, что работа на рынке всего лишь вынужденная временная необходимость, что вот-вот произойдёт какая-то перемена в её жизни и всё-всё станет по-другому. И всё же чаще и чаще она сознавала, что без хорошей профессии, без образования, без помощи кого-то ничего не произойдёт. А где взять деньги на обучение, где взять этого всемогущего “помощника”, да и годы уже не очень-то учебные — двадцать три. Это что ж, почти до тридцати учиться? А жить когда? И вспоминались ласки Кольки, и мелькали в памяти холёные молодые мужчины, разъезжающие в роскошных машинах и сигналившие ей, когда она стояла на остановке, ожидая маршрутку, и вспоминались похотливые глаза покупателей, и даже Костик. И Люба остро ощущала всем своим существом, какое оно, одиночество...

Был обычный серый осенний день, тот самый день, когда в воздухе неприметно растворена неизбывная тоска. И вроде небо, облака, деревья и дома, люди и машины такие же, как вчера, но шемит сердце по чему-то неизведанному, недостижаемому, упущенному в жизни навсегда.

Люба сидела в модуле на складном стуле и бессмысленно едва заметно улыбалась. “Скоро холода... — мелькали мысли. — Как там мои в невесёлом Весёлом?”

Люба встала, провела рукой по лбу, как бы стирая мысли, и почти вслух буркнула: “Да что там делать! Сидеть на шее...”

Неожиданно подошёл хозяин.

— Ну, что, ненаглядная, будем закрываться.

— Как закрываться? — удивилась Люба.

— А так. Совсем закрываться. Лавочка закрывается, — хозяин радостно улыбался. — Дело новое теперь у меня. Серьёзное. Сколько можно китайской белибердой промышлять. Пора на ноги становиться.

— А?.. — Люба зло нахмурилась.

— Вот расчёт, — хозяин подал деньги. — Ищи достойную работу, лавочка. Не для тебя это — стоять здесь. Складывайся пока.

Хозяин приклеил бумажку на модуль. “Продаётся”, — прочла Люба. Из-за наворачнувшихся слёз номера телефона рассмотреть она уже не могла. Пытаясь проглотить комок в горле, Люба раскладывала игрушки по коробкам, часто моргала и шмыгала носом.

— Да ты не горюй, — хозяин был в приподнятом настроении. — Это ж не работа. Ни заработка, ни перспектив. Найдёшь дело стоящее. Молодая ведь ещё. Всё впереди, — хозяин с любопытством глянул на Любу.

Подошли Муся и Егоровна. Егоровна стояла молча. Муся не выдержала.

— Никак сворачиваете бизнес?

— Всё. Открыл станцию техобслуживания. Мечта жизни! — улыбнулся хозяин.

— Ну-ну, — примолкла Муся.

Вечером Люба с Егоровной и Мусей пила в кафе водку и зло кривилась. Неожиданно она закрыла лицо руками и заплакала почти навзрыд.

— Ну, ты чего это? — зауспокаивали её Муся и Егоровна.

— К-как же я теперь бу-уду? — отирала руками слёзы Люба.

— Да так и будешь, — Егоровна подала ей платок. — Была бы шея, хомут... Сама знаешь...

— Во-во! Тебе б, Егоровна, только хомуты на шею, — вступила Муся. — Мне б её годы, я бы задала жару...

— Да какой там от тебя жар. Так, одна пыль, — Егоровна налила водки. — Эх, девки, давайте за хорошую жизнь выпьем, авось и наступит она для нас...

Люба пила чай с тётей Валей. Тётя Валя неспешно размачивала в чае сушки, тщательно жевала и, подув на чай, отхлёбывала. Люба грызла сушки, как кролик, отпивая чай мелкими и частыми глотками. В старенькой, давно не отремонтированной кухне было душно. На газовой плите стоял зелёный эмалированный чайник, немало слыхавший на своём веку. Только что чайник перестал силно ворчать, как бы прислушиваясь к разговору.

— Ты, Люба, не спеш. Успеешь. Подождёт Петрович-то, — тётя Валя шумно отхлебнула чай. — Поней чаю как следует, колбаски поешь с батончиком. Опять всю ночь сидеть.

— На всю ночь не напьёшься, тёть Валя. Да тут же рядом, если что надо будет, заскочу.

Люба собралась идти.

— Не нравится мне этот Петрович. Склизкий он какой-то. Вон какую махину строит. Это что ж, за выручку с ларька? А тебе до сих пор не заплатил. Да и не дело это — молодой девке по ночам в сарае сидеть.

— Ничего, тёть Валя, подзаработаю денюжат, пойду на курсы бухгалтеров. Объявление читала. Трёхмесячные курсы, платные. А бухгалтером устроиться можно...

— Раньше надо было учиться, — перебила Любу тётя Валя.

— Да вы ж знаете, тёть Валя. Серёжка только в школу пошёл, отец без работы, мама одна за всех отдувалась. Какая учёба?.. Вот я и пошла в ларёк к бывшему председателю. Огород, корова, поросёнок и ларёк. Вот и вся моя учёба. А потом и ларёк сгорел. Председатель получил страховку, магазин открыл, свою родню пристроил, а меня турнул. А больше работы в селе и нету. Да и языки у нас, сами знаете, какие. Проходу нет...

— Да-а, — протянула тётя Валя, — Колька-то... Вот такая жись-то наша. Замуж тебе надо бы...

— Так я ж не против, только не за кого, — уже из коридора крикнула Люба и застучала каблучками по лестнице.

На улице было темно и холодно. Уже зажглись фонари. Ларёк находился в конце квартала, всего-то пройти мимо четырёх домов, считая от дома тёти Вали. Но Люба начинала мёрзнуть. Срывался первый снежок. Начало ноября. Навстречу попались двое подвыпивших парней, Любины погодки, может, чуть старше. В руках у них были открытые бутылки пива. Один из них остановился, сплюнул и, покачиваясь, процедил Любе вслед:

— Вот это тёлка! Вот бы...

Люба хотела сказать ему, что он сам баран, но решила не ввязываться. “Что с них брать, — успокаивала она себя, — им ещё мячик пинать да в войнушку играть. Вот и выходи за такого замуж...”

На ларьке горела “контрольная”, как её называл Петрович, лампочка. В ларьке света не было. “Вот гад! — подумала Люба. — Опять смылся”.

Уже который раз Петрович уходил, не сдав смену. То ему было некогда, то он напирал на доверие. “Ты что, хозяину не доверяешь!” — возмущался он. А то и вовсе не работал.

Через дорогу, недалеко от ларька, Петрович строил своё кафе. Строительство уже заканчивалось. Поэтому после ухода последней продавщицы он никого не хотел брать на работу в ларёк. Торговал сам. Да и городские власти постановили: все ларьки через два месяца снести. А Люба, покупая жвачку, наобум спросила насчёт работы. Петрович прищурил масляные глазки, разглядывая Любу, наморщил лоб и спросил:

— На пару месяцев пойдёшь?

— Пойду, — обрадовалась Люба. — А что платить будете?

— Четыре хватит? — насторожился Петрович.

— Ладно, пару месяцев поторгую, а там видно будет, — согласилась Люба.

— А ты когда-нибудь торговала? — вкрадчиво спросил Петрович.

— И в ларьке, и на рынке, дело знакомое, три пишем, два в уме, чего ж тут хитрого.

— Ну-ну, — покивал головой Петрович, — только без трудовой. Если

что, скажешь — на подмене, а мне паспорт принесёшь. Завтра приходи к восьми вечера.

Вот так Люба и попала к Петровичу в ларёк. Прошло уже больше месяца. Сегодня Петрович обещал уже в третий раз рассчитаться.

Люба достала ключи и открыла дверь. В ларьке было накурено и ещё тепло. Она включила свет и обогреватель, увидела на топчане записку. В глазах Любы появился металлический блеск, где-то на дне души загорелся недобрый огонь. Люба до боли прикусила губу. “Да сколько ж можно, — подумала она, — прибила бы...”

Когда Колька уехал, Люба заплакала, и в ней что-то надломилось, и уже не на Кольку, а на весь белый свет в душе её затаилась обида, а слёз больше не было. И потом, когда упрекала её мать за аборт, когда ехидничали подруги и соседи, когда бывший председатель не взял её в магазин, когда пытались навязаться ухажёры всех мастей, вспыхивала в душе злая искорка.

Люба взяла записку. “Зайду попозже. Петрович”. “Ну-ну, поглядим”, — вслух сказала Люба и повесила на окно табличку — “Открыто. Стучать”.

Было около полуночи. На улице бесновался ветер. Сломленные сухие ветки изредка падали на крышу ларька. Не частые покупатели, всё больше молодые ребята, стучали в окошко, дышали в лицо Любе перегаром, покупали пиво, сигареты и солёные орешки или сухарики, говорили глупости и пошлости и растворялись в темноте. Любе было тоскливо и зябко, хотя спираль самодельного обогревателя раскалилась почти добела. Люба взяла пачку “лёгкого” “Мальборо” повертела в руках. “Закурить, что ли?” — мелькнула у неё мысль. Люба открыла пачку, вытащила сигарету, прикурила, глубоко затянулась, пару раз кашлянула. Голова слегка закружилась, озноб прошёл. Люба курила редко, за компанию или от тоски. Сегодня была тоска. Люба откупила бутылку пива, сделал несколько глотков, затянулась ещё. “Ну, и за кого замуж выходить? За кого-нибудь из этих пьяных дебилов или за ушастого Костика? Хотя Костик добрый, но одной доброты мало. А от этих крутых недоумков блевать охота. Ну, почему всё так! Где эти рыцари, принцы, алые паруса, где?.. Что-то не видать, — размышляла Люба. — А может, пойти на остановку, тормознуть новенькую иномарку и отдаться, а там видно будет. Кто-то рассказывал, императрица Екатерина так делала... Первому встречному кучеру...” В дверь постучали. Люба вздрогнула.

— Любаша, эт я!

Это был подвыпивший Петрович.

— Как и обещал, пришёл.

Люба поднялась с топчана и открыла дверь.

Петрович был уставшим, замёрзшим, от него пахло водкой.

— А у тебя тут тепло, светло и мухи не кусают, — плоско пошутил он.

— Деньги принесли? — жёстко спросила Люба.

— А как же. Щас усё будет. — Петрович уселся на топчан. — Холодыга жуткая. А ветряка с ног валит. О! А ты ж не куришь, — уставился Петрович на Любу. — И пивком хозяйским втихаря балуешься.

— Я заплачу, вы не беспокойтесь.

— Конечно, конечно, — Петрович посерьёзней. — А ты знаешь, Люба-голуба, что у тебя недостача полторы тыщи!

— Что?! — глаза Любы округлились.

— А вот то! Я сегодня пересчитал товар и выручку. Тысяча четыреста восемьдесят девять рублей семьдесят пять копеек не хватает. Так-то!

Люба села рядом с Петровичем, обхватила голову руками.

— Этого не может быть. Я всегда всё пересчитывала. Всё сходилось, — пальцы Любы дрожали. — Это вы специально всё...

Петрович обнял Любу. Она хотела отстраниться, но вспыхнул где-то внутри неё злой огонь, и пусто, беззвучно стало в душе.

— Ну-ну, — Петрович двумя пальцами приподнял голову Любы. — Отработаешь.

Люба равнодушно улыбнулась. Петрович шумно засопел и поцеловал её в губы.

— Ты мне сразу понравилась. Я всегда мечтал о тебе.

Руки Петровича мяли груди, ласкали шею, гладили волосы, Люба возбуждённо дышала и неуверенно отворачивалась от частых поцелуев. “Если вас насилуют, и вы ничего не можете сделать, расслабьтесь и получите удовольствие”, — вспомнился Любе совет рыжей американки из телевизионного ток-шоу. И Люба сама расстегнула молнию на джинсах.

Уходя, Петрович подал Любе деньги.

— Я завтра зайду, если не возражаешь.

Люба проводила его пустым взглядом. Дрожжащими пальцами пересчитала купюры, ровно четыре тысячи. “Вот гад!.. — еле слышно прошептала она. — А с Колькой такого не было...” Люба жадными глотками допила пиво. Сладкая истома накатила на неё и какое-то странное брезгливое удовольствие от испытанного унижения, от жарких ласк чужого мужчины, от появившейся над этим мужчиной власти... Люба легла на топчан и провалилась в глубокий тяжёлый сон.

Петрович заходил каждую ночь, когда была смена Любы. Люба отдавалась ему с дикой страстью, мстя Кольке за предательство, Костику — за стеснительность и всем мужчинам, и всему белому свету за то, что жизнь вот такая, и ничего нельзя изменить, и ничего хорошего нет и не будет впереди. И кто-то сторонний, жестокий и сильный, вёл её к каким-то неведомым страшным далям вопреки её воле, и Любе казалось, что она уже знает наперёд, чему быть в её жизни...

В конце ноября Петрович зашёл раньше обычного. Он был трезв и серьёзен.

— Вот что, — прямо с порога начал он, — ларёк закрываю. Будут сносить. С понедельника начинает работать кафе. Пойдёшь?

Люба посмотрела на него недоверчиво.

— А что делать буду?

Петрович почесал ухо.

— Ну-у... недельку посуду помоешь для видимости, а потом официанткой, а там, глядишь, и за стойку станешь.

— Вот так, — зло ухмыльнулась Люба, — посудомойкой, значит определяешь.

— Да ты пойми, — засуетился Петрович, — не могу ж я так сразу тебя за стойку или администратором поставить. Пока поработаешь, присмотришься, на стажировку походишь, есть у меня знакомые на курсах официантов. А потом и в гору пойдёшь. Это я тебе обещаю. А работу сейчас, сама знаешь, не так-то легко найти. Да и образования у тебя никакого. — Петрович просительно посмотрел на Любу. — Привык я к тебе, соглашайся, а...

— А что, — Люба вскинула голову, — вот возьму и пойду, то-то смеху будет: любовница хозяина — посудомойка.

— Да что ты прицепилась к посудомойке, — в глазах Петровича блеснул лучик надежды. — Это я так сказал. Дел поначалу у всех хватит. Все всё будут делать: и носить, и убирать, и готовить. Это потом, когда работа наладится, каждый на своё место станет, а ты к тому времени и стажировку пройдёшь. Потом официанткой, потом за стойкой постоишь, а потом и администратором. И трудовую оформим, полис медицинский, пенсионную карточку, книжку медицинскую, всё чин-чинарём. Кстати, вот паспорт твой и деньги.

Люба покосилась на пачку купюр.

— Что-то много. Это что, плата за секс?

— Да не задирайся ты. Знаешь ведь, как я к тебе отношусь. Ну... поначалу... а теперь совсем другое... — Петрович как-то обмяк и устало сел на топчан. — Это расчёт и деньги на форму.

— Какую ещё форму? — удивилась Люба.

— Форма у нас такая будет, — опять воодушевился Петрович. — Чёрная мини-юбка, тебе очень пойдёт, ты красивая... чёрные туфельки, белая открытая блузочка, — Петрович привлёк Любу к себе и прижался щекой в груди, она не отстранилась. — Согласна? А за то, ну... первый раз когда... прости.

Люба хотела сказать, что она ни за что не будет подстилкой этому похотливому стареющему борову, что она совсем не об этом мечтала, что всё, что было и есть, от одиночества и отчаяния, от досады на свою судьбу...

“А пусть теперь отрабатывает он”, — как будто кто-то подсказал Любе.

— Да, согласна, куда ж мне деваться, — вдруг почти весело ответила она, хотя знала: будет не так, как хочет Петрович, и хитро добавила: — С женой твоей пообщаюсь.

— Жена в мои дела не суется. У неё свой бизнес, — насторожился Петрович. — Да ты ж девушка умная, не будешь, если что, разборки устраивать, а?

— Все вы, мужики, одинаковы, чуть жареным запахнет — так в кусты, а вот возьму и устрою, что тогда, в угол поставишь?

Петрович резко встал.

— Ладно, ты дурку не гони. В угол не в угол, а внакладе не останусь. А на жену я чхать хотел. У неё своя жизнь, у меня своя. Только всё равно отношения наши не надо на вид выставлять.

— А что, у нас и отношения есть? — съехидничала Люба.

— У тебя, может, и нет, а у меня есть, — нахмурился Петрович. — Ну, так что, пойдёшь в кафе?

— Пойду.

Утром Люба пришла домой с полным пакетом.

— Сыр, масло, курица, сырокопчёная колбаса, батон, йогурт, шоколадные конфеты, — приговаривала она, выкладывая продукты на стол.

— Ты что это, никак ограбила кого или в “Поле чудес” выиграла? — удивилась тётя Валя.

— Петрович аван выдал, — Люба положила на стол пачку купюр. — На работу в кафе зовёт. Сказал, чтоб купила себе кое-что из одежды для работы, ну, и на нужды остаток.

— Ох, не нравится мне этот Петрович, — ворчала тётя Валя, пересчитывая деньги, — склизкий он какой-то.

Тётя Валя аккуратно перетянула деньги резинкой, положила в жестяную банку и убрала в навесной кухонный шкафчик.

— У меня за квартиру два месяца не плачено, — задумчиво произнесла она. — Деньги пусть там и лежат, понадобится, возьмёшь. А если что останется, так я за квартиру заплачу. Можно?

— Да, конечно, тёть Валь, я ж у вас и так, считай, на иждивении, — подмигнула ей Люба.

— Ой, да что ты городишь-то — на иждивении. Ты себя обрабатываешь, — заулыбалась тётя Валя, — только работа у тебя непутёвая. А кем же тебя Петрович-то в кафе зовёт? — вкрадчиво спросила тётя Валя.

— Пока официанткой, а там, глядишь, и барменом или администратором. — Так официанткой уметь надо. Ложки, — туда, вилки — сюда. Этикет-ет! — значительно протянула тётя Валя.

— Так я на курсы похожу, Петрович уже договорился. Ничего хитрого тут нет. Принёс, отнёс, счёт клиенту, чаевые в карман.

— А что ж платить будет? На чаевых, поди, не разгонишься.

— Сказал, не обидит, побольше, чем в ларьке.

— Ну-ну, — покачала головой тётя Валя, укладывая продукты в старенький холодильник, который, обрадовавшись неожиданно свалившейся на него работе, весело заурчал.

Люба вертелась перед зеркалом в прихожей. Всё было впору. И блузка, и туфельки, и юбочка.

— Хороша. Это что ж, у вас форма такая? — недоверчиво спросила тётя Валя.

— Угу. Не нравится?

— Да больно юбка бесстыдная. Мать звонила, спрашивала, как ты тут. Позвонила б ей, рассказала, переживает она, — тётя Валя прислонилась к притолоке.

- Позвоню. Конечно же, позвоню. Вот с работой наладится и позвоню.
- Нет, — придиричливо оглядела Любу тётя Валя, — юбка коротка. Это что ж ляжками перед клиентами сверкать? Это ж кафе, а не бордель какой-нибудь.
- От меня не убудет. А клиенту надо угождать, и мода сейчас такая.
- Ну-ну, — вздохнула тётя Валя, — мода и впрямь такая. Ты б пододела что потеплее, холод на улице. Пока добежишь, поотморозишь ляжки-то.
- Ну, тёть Валь, хватит уже. Ноги как ноги.
- Люба такнула слегка побитою молью пальто, переобулась, положила в пакет туфли и выскочила за дверь.

С некоторой робостью Люба открыла дверь в кафе. Фойе было отделано под мрамор, на стене у входа в зал висело большое зеркало. Двери в туалет, в зал были дубовые, с позолоченными ручками. Люба подошла к зеркалу, оглядела себя, сказала: “Ф-фух!” — и вошла в зал.

Светильники, висящие на стене у каждого стола, создавали мягкий полумрак. Столы, стулья были, как и двери, дубовые. По шесть стульев за столом, по четыре стола у каждой стены, стены оклеены импортными бордовыми обоями, у каждого стола — вешалка для одежды. Прямо у входной двери — небольшая эстрада, стойка для микрофона, стул. Напротив входа, в конце зала, — барная стойка. Проход между столами был широк, для танцев, окна завешены плотными шторами. “А на гардеробнице Петрович экономит, — подумала Люба, — ладно, здесь не то, что в ларьке или на базаре. Уютно, сухо, чисто, тепло. Поработаем”. Дверь рядом со стойкой приоткрылась, выглянул Петрович.

— О! Ты уже пришла! Отлично! Как тебе моя кафушка?

— Мило. А где можно переодеться?

— Ты сразу за работу. Походи, оглядись, успеешь наработаться. Вот пойдут клиенты, набегаешься. Иди сюда, я тебе хозяйство покажу, — Петрович широко распахнул дверь.

Люба прошла за ним на кухню, потом в подсобку. Петрович закрыл дверь и жадно поцеловал её в губы.

— Не надо, — отстранилась Люба, — не сейчас. Вдруг кто-нибудь зайдёт.

— Да никто не зайдёт, — Петрович часто дышал и перешёл на шёпот, — сегодня все соберутся к часу. Мы будем работать с двенадцати до часа ночи. А сегодня работаем с двух. Первый день всё-таки.

— Всё равно не надо, — отстранилась Люба. — Потом.

К часу собрался, по выражению Петровича, весь персонал: длинный и тощий охранник Жора, повариха Маша, не то калмычка, не то татарка, прожжённая женщина со злыми чёрными глазами, скуластым лицом, приземистая, всем недовольная.

— Ага, — радостно провозгласил Петрович, — кажись, все в сборе. Духа придёт утром, убирать. Вот пока вся наша смена. Я за стойкой. Жорик, ну, Жорик своё дело знает, — Жорик, не переставая жевать резинку, кивнул. — Маша на кухне, а ты, Люба, пока будешь помогать Маше, ну, и по залу, если что.

— Сама управлюсь, — пробасила Маша. — Неча такой крале на кухне сидеть. Пусть в зале задницей вертит. На неё клиент валом валить должен. Мне подручную, как дело наладится, найдёшь, а пока мне одной делать неча.

— Ладно, разберёмся, — Петрович открыл шампанское. — Давайте за открытие, что ли.

Маша подставила свой бокал.

— Как был ты скупердяй, так и остался. Ничему ты жизнь не научила. Мог бы и коньячку по старой дружбе предлужить. Петрович ты и есть Петрович.

— Да ладно тебе, — поморщился Петрович, — не заработали ещё.

— Не ладно, — Маша залпом выпила шампанское, — гляди, как договаривались, работаем одной сменой до Нового года.

— Да, — засуетился Петрович, — пока клиентов мало, поработаем одной сменой, я доплату сделаю. А потом, конечно, будет ещё одна смена.

Петрович, морщась, допил шампанское и пошёл вешать на двери табличку “Открыто”.

— Ну, и что там пишут? — заглянул в меню очкарик. — Так-так...

— И что значит так-так? — съехидничал рыжий.

— А то, уважаемый Сергей Николаевич, что нашей вшивой зарплатки хватит всего на пару приличных ужинов в этом расчудесном заведении.

— Пряма-таки на пару, а может, и на три? — рыжий взял у очкарика меню. — Нет, на три не хватит, на два с половиной... — Девушка, — позвал он Любу, которая с неприкрытым любопытством разглядывала мужчин, — принесите пару пива.

Люба подошла к столу.

— Вам какого?

— А вот “Пикура”.

— А вам? — посмотрела Люба на очкарика.

— И мне.

— К пиву что-нибудь будете?

— Нет-нет, — засуетились мужчины.

Люба принесла пива и села через стол от посетителей, делая вид, что разгадывает сканворд. До неё долетали обрывки разговора.

— Ты пойми, — очкарик водил пальцем по скатерти, — начальство оно для чего, для того, чтоб нам спокойной жизни не было...

— ...так ведь не только директор, а и завучи гнобят...

— Правильно, одному директору не управиться, тут и завучи на подхвате: “Ну-ка, кто там спокойно жить захотел? Ату его! Срочно на выполнение директивы начальства, и платить ему по человеко-часам, чтоб неповадно другим было...”

“Учителя, — подумала Люба, оценивая простенькую одежду мужчин, их неуверенность в себе, неловкость в поведении. — Вот вроде бы интеллигентные люди, а толку?.. Кружку пива с полочки, вот и всё, что могут себе позволить, или стакан водки в дешёвой забегаловке... А уже лет по сорок, наверное... Тоже мне, сеятели доброго, разумного и вечного...”

Мужчины отогрелись, слегка разомлели. Очкарик достал не первой свежести носовой платок, протёр очки и снова придвинул к себе меню.

— А что, Александр Иванович, может по водочке?

— Эх, — махнул рукой рыжий, — последний раз живём...

— Первый и последний, — глубокомысленно поддержал рыжего очкарик.

— Любочка, а принесите нам триста водочки и порцию селёдки, — поднял руку рыжий.

— А ты откуда знаешь, что её Любой зовут? — удивился очкарик.

— А на её великокопной груди покоится бейджик, а на нём русским языком написано: “Люба!”

— Что-нибудь ещё? — подойдя к столу, Люба достала блокнот и ручку.

— Нет. Триста водки, порцию селёдки, четыре хлеба...

— И сразу счёт, — перебил рыжего очкарик, — мы долго не задержимся. — А хорошенькая! — услышала вслед Люба.

— Хороша-то хороша, а у нас в кармане ни шиша, вот! — скаламбурил рыжий.

Люба принесла заказ. Мужчины рассчитались, неспешно выпили по полрюмки и как бы нехотя закусили. Было видно, что они голодны, что если б было на что, заказали б не триста граммов, а целую бутылку водки, салатики, минералочку, лангетика или дылят табака, или мясо по-французски, и даже что-нибудь ещё...

На дверях звякнул колокольчик. В зал вошли два парня лет по восемнадцать-двадцать, оценили обстановку, пошутукались и вышли. “Студенты”, — про себя отметила Люба. Следом за парнями ввалились двое рослых мужчин в кожаных куртках нараспашку, джинсах, стрижены наголо. Лет

под тридцать каждому. Было видно, что они не с мороза. “На машине приехали”, — решила Люба. Мужчины едва кивнули Жорик, дремавшему на стуле недалеко от дверей, не раздеваясь, уселись за ближайший к ним стол, тот, что поплотнее, нагло глянул на Любу.

— Иди сюда, — процедил он сквозь зубы.

Люба, слегка оробев, подошла. Второй, взяв двумя пальцами бейджик, притянул Любу к себе.

— Люба, значит. А ты ничего!..

— Чево господа изволять будут?

Люба оглянулась. Сзади стоял Петрович и зло ухмылялся.

— А-а, Петрович, — приподнялся тот, что поплотнее, и протянул руку, — твоя бикса, что ли?

— Да не твоя, Колоня, эт точно, — пожал ему руку Петрович и легонько подтолкнул Любу, — иди отдохни, этих я сам обслужу.

— Ну, если твоя, так и скажи, — второй мужчина тоже пожал руку Петровичу.

Петрович строго глянул на Любу.

— Кому сказал, иди.

Люба ушла на кухню.

Маша стояла у окна со стаканом пива в руке. Увидев Любу, прищурила глаз.

— Ты чё такая перепуганная?

— Да два типа странных пришли, — замаялась Люба. — Петрович сказал, сам обслужит.

Маша цокнула языком.

— Пожаловали козлы.

В кухню вошёл Петрович.

— Маш, пару шашлыков, два салата из помидорок, лаваш и порцию копчёной сёмги...

— А кто это? — спросила Люба Петровича.

— Небось, от Вазгена, — не дала ему ответить Маша.

— Да какая разница, — Петрович взял две чистых пивных кружки и бутылку водки из ящика, подумав, добавил: — Колоня и Сергуня — “твике”, сладкая парочка.

— Гляди, а то солоно будет, — пробурчала Маша вслед Петровичу Петрович вернулся минут через пять.

— Готово?

— А то! — Маша достала из микроволновки шашлык, украсила сёмгу зеленью, заправила салат майонезом. — Хай жрут, недоноски.

— Да зачем же ты так, — улыбнулся Петрович. — Они люди подневольные.

— А что ж ты лакеям прислуживаешь, или за Любано боишься? — съязвила Маша.

— Надо так, не твоего ума дело, — огрызнулся Петрович и понёс заказ.

Маша смерила взглядом Любу.

— А ты, красотка, рохлей не будь. Счас расслабляться нельзя, мигом сожрут. А вообще-то, тебе мужика надо достойного, Петрович — это так, третий сорт, хотя не худший вариант. И денег надо много, тогда человеком будешь, а не подстилкой для козлов...

— Да где ж такого мужика найдёшь? — недовольно бросила Люба и пошла в зал.

В этот вечер посетителей больше не было. Около двенадцати уже ушли и Маша, и Жорик. Петрович и Люба лежали в подсобке на потёртом диване. На стене древние ходики, принесённые Петровичем, пробили час. Люба уже не чувствовала брезгливости к Петровичу. Как мужчина, он её устраивал, а когда она отдавалась ему без оглядки, отчаянно, даже как будто нравилась.

“Всё не так уж и плохо”, — думала Люба, легонько глядя Петровича по животу.

Всё чаще Люба замечала, что начинает привыкать к Петровичу и к такой жизни, что уже не очень-то и хочется идти на курсы бухгалтеров, что в ней происходят какие-то странные перемены, как будто бы что-то выгорает, и остаётся горячая зола. Люба понимала, что её засасывает, но не одна она виновата во всём, так получилось, а тут ещё и Петрович... Но если б не он, до сих пор обивала бы Люба пороги различных офисов или вернулась бы в своё Весёлое. А там что?.. Огород, поросёнок да спивающиеся ребята, справляющие нужду, где приспичит. И уже не вспыхивал, а постоянно тлеет в душе злой огонёк, и странно, но от этого огонька Люба становилась спокойнее, увереннее. И только иногда подкатывал внезапно к горлу ком, и наворачивались на глаза слёзы от жалости к навсегда исчезнувшей наивной Любе, босиком бегущей по утренней росе и радостно кричащей: “Солнце взопло!..”

Петрович курил лёжа. Пепельница стояла на груди.

— А за что ты сидел? — вдруг спросила Люба.

Петрович закашлялся, поймал падающую пепельницу и встал, отряхивая пепел с груди.

— Что, Машка напела?

— Нет, я сама догадалась.

— Не по годам догадливая, — Петрович сел на диван, бросил окурочек в пепельницу и придавил спичечным коробком.

Люба встала и начала одеваться.

— Так за что?

— Я был директором ресторана, Машка — шеф-поваром, ну... В общем, левые продукты, спиртное, короче стуканула какая-то паскуда... Я в трест, тогда ещё тресты были, там говорят: “Бери всё на себя, потом поможем”. Короче, мне — семь, Машке — пять, с конфискацией. Пока баланду хлебали, перестройка началась, амнистия. Вышел, а уж начальство бывшее на новых местах: кто на нарах, кто в депутатах, а кто и за границей. Все построены. До меня дела никому нет. Да и что я им предьявить-то мог? Шантажировать нечем, сейчас это бизнес называется, это тогда судили, теперь капитализм, хапай, кто сколько может...

— А этот Вазген, он кто? — Люба подала Петровичу рубашку. — Одевайся, мне домой пора.

— А Вазгену я на зоне помог, а тут он мне. Вот и поднимаюсь помаленьку.

— А Жорик тоже с тобой сидел?

— Да нет. Жорик вообще какой-то странный. Кто говорит, что из блатных, кто — в горячих точках бывал, то ли спецназ, то ли разведка, но его весь город знает: и менты, и блатные, и начальство. Короче, с ним спокойнее будет.

Петрович и Люба вышли на улицу.

— Хочешь, подвезу? — обнял Петрович Любу.

— Нет, здесь рядом. Не хочу, чтобы нас видели. — Люба высвободилась из объятий Петровича и на ходу бросила: — Пока.

Декабрь выдался слякотный, лишь ночью подмораживало, и срывался мелкий-мелкий снежок, будто кто-то с небес сыпал серебряные опилки на землю. Было тихо. Город уже спал. Было холодно и пусто на душе у Любы...

Странно, но после визита Колони и Сергуни каждый вечер было много посетителей. Как выражалась Маша, это была публика серьёзная: бизнесмены, нечистые на руку, не привыкшие считать деньги и щедро одаривающие чаевыми, их помощники, непременно коротко стриженные, коренастые, с массивными челюстями и твёрдыми лбами, хотя от своих хозяев они отличались разве что меньшей упитанностью, и просто блатные со своими подругами.

Люба уставала. Работы было много, но сквозь усталость, сквозь ровный гул пьяных голосов она не однажды слышала в свой адрес: “Так про эту что ль говорили?..”

До Нового года оставалась неделя. В конце смены Петрович был в приподнятом настроении.

- А что, — улыбался он, — с такими клиентами и заработаем на хо-роший Новый год. А завтра ещё музыка придёт, веселее будет...
- Эт, небось, Вазген, клиентов направил, — осекла его Маша. — Гляди, расплачиваться придётся.
- Да что ты всё каркаешь, — оборвал её Петрович. — Мы с Вазгеном кореша, ясно!
- А что за музыка будет? — поинтересовалась Люба.
- Двое ребят придут, — потёр Петрович руки. — Согласились работать за парнас.

Утром Люба пересчитала деньги и подала тётё Вале.

— Тётё Валь, вот, может, нужно.

— Ой, да тебе, поди, нужнее, — взяла тётя Валя деньги. — Ну, да пусть пока у меня полежат, возьмёшь, если что, да и продуктов надо бы купить... А откуда столько-то? Получку, что ль, Петрович дал?

— Да нет, чаевые.

— Ух, ты, чаевые, эт за юбку бесстыдную да за вырез до пупа, — съязвила тётя Валя. — Да тут, наверно, ползарплаты твоей.

— В каждой работе, тётё Валь, есть свои плюсы и минусы.

— Ну-ну, — покивала тётя Валя головой и положила деньги в жестяную банку.

И тут Люба поняла, что уже не сможет взять из этих денег ни копейки, даже если очень-очень будет нужно. Не сможет, и всё. А продукты всё равно теперь будет покупать она — Люба, да и за квартиру платить.

Люба не обиделась, не разозлилась, а только ещё острее почувствовала, что нет рядом с ней близкого человека и не будет никогда, а всем вокруг обязательно что-то нужно друг от друга, и только поэтому люди бывают вместе. И рядом с ней, с Любой, оказываются только те, кому что-то от неё нужно...

В этот день посетителей не было до самого вечера. Заходили выпить по кружке-другой пива несколько человек, и всё. Петрович за стойкой проти-рал рюмки, Маша и Люба чистили на кухне картошку. Вдруг Люба услышала из зала несколько аккордов и знакомый голос.

— Раз, раз, один, два, три, сто двадцать восемь, раз, раз...

Люба выглянула в зал. Двое ребят настраивали аппаратуру. Один возил-ся с усилителем, а у микрофона стоял Костик. Люба подошла к ним.

— Привет, Костик! — улыбнулась Люба.

— Привет, — поднял глаза Костик.

Костик был всё такой же, только в этот раз его уши не покраснели, но всё же какая-то едва уловимая перемена произошла с ним. Во взгляде появилась затаённая, пережитая боль утраты, сделавшая Костика старше и холоднее.

— Ты меня узнал? — продолжала улыбаться Люба.

— А я тебя и не забывал, — хмуро сказал Костик, спрыгнул с эстрад-ки и подошёл к Любе почти вилотную.

— А я тоже тебя часто вспоминала. А ты рынок забросил, что ли?

— Нет, так и торгую пирожками. Это вот предложили подхалтурить за парнас. Деньги-то всегда нужны.

— А как это — “за парнас?”

— Так же, как за чаевые, музыку заказывают, а что заплатят — твоё.

— А зарплата? — удивилась Люба.

— А зарплата ждёт нас в светлом будущем, — поморщился Костик. — А ты здесь как оказалась?

— Да, сам знаешь, с работой не просто сейчас, вот предложили пока официанткой, а там видно будет... А как там Егоровна, Муся, Нанка? Тор-гуют?

— Егоровну схоронили недавно, рак у неё был, Муся так и болтает да самогончку пьёт, а у Нанки теперь свой магазин, ей диаспора помогла. Как говорится, всё течёт, всё изменяется. О, вот и клиент повалил, надо вклю-чаться.

В зал вошли Колонья и Сергуня.

— Вот это по-нашенски, — хлопнул в ладоши Сергуня, — под музыку и водочка слаще.

Колонья улыбнулся Любе.

— Ну, давай что ль, как всегда: пашлычок, водочку, сёмушку, салатик.

За каких-то полчаса зал был почти заполнен ставшими уже почти постоянными клиентами. Костик с напарником старались всюю. Люба порхала от одного стола к другому, едва успевая принимать и приносить заказы. Петрович сиял за стойкой, а иногда и помогал Любе. Становилось душно. Два кондиционера не справлялись с табачным дымом и перегаром. Сквозь громкую музыку и частые оклики посетителей Люба едва улавливала собственные мысли. “А ведь Костик стал другой... Я же ему нравилась, может, он даже меня любил... Но что он мне смог бы дать?.. Мальчишка же ещё...” — мелькало в её голове.

Маша на кухне трудилась от души, лишь изредка удовлетворённо бурчала себе под нос: “Ну, и денёк!” В одну из выдавшихся свободных минут, когда Люба зашла на кухню, Маша хитро на неё глянула.

— Слышь, красотка, а вообще-то чаевыми делиться надо. А то я тебе такого наготовлю — всё за твоей пазухой будет.

Люба растерялась, потом согласно закивала головой.

— Так я не против. Сколько?

— Мне треть, да только я всё равно не знаю, какой у тебя навар. Так что на твоей совести, сколько давать, но учти, будешь обижать — быстро прочу.

— Хорошо, — смутилась Люба и поспешила уйти.

В конце смены Люба честно отдала треть чаевых Маше. Та взяла деньги и улыбнулась.

— Да ты не обижайся, порядок такой. Кухня в нашем деле на первом месте! Да и Жорику кое-что надо для приличия. А то на Петровича зарплата не разжиреешь...

За вечер все устали. Петрович довольно потирал руки.

— А что, вот если б так всё время, можно было б и развернуться.

— Посудомойку надо брать, — окоротила его Маша, — да и ещё одну смену, мы ж не железные.

— После Нового года всё оформим в лучшем виде. А завтра гостей ждём.

— Что, сам пожалует? — Маша испытующе посмотрела на Петровича.

— Да. Колонья сказал, — задумался Петрович.

— Гляди, этот просто так не ходит, что-то, видать, нужно ему, да и людишек своих он не зря сюда направил, — Маша уже направилась к выходу, — поглядим, поглядим, что-то будет...

— Да что ты всё каркаешь? — крикнул ей вслед Петрович. — Ничего не будет!

В эту ночь Люба засыпала плохо. Сказывалась чрезмерная усталость, но особенно бередила душу бесконечная череда горьких мыслей. “Ну, почему так, почему?.. — вертелось в голове. — Одним всё на блюдечке: и квартиры, и деньги, и счастливая любовь, а другим — слёзы в подушку да работа до пота, а впереди — ничего. Ничего! И всем что-то от тебя нужно, и тётке Вале, и Петровичу, и Маше, и Жорику, всем-всем, а эти “быки” так и лапают глазами, так и ждут, что ноги раздвину. Тошно... И все хотят денег, много денег. Можно подумать, мне деньги не нужны, может, ещё и Петровичу от чаевых “отстёгивать”? А харя не треснет?.. Не знает она, какой у меня навар, как же! А то нельзя посчитать, сколько эти пуздроны съедают, да сколько это стоит. То-то Жорик всё по столам зыркает, небось, прикидывает, на сколько заказы тянут. Эх, было б куда, сбежала бы...” И уже в полусне Любе как бы издалека слышались обрывки фраз: “Мужика тебе надо... Петрович — третий сорт... денег... много денег, чтоб не быть подстилкой... А почём сковородки?.. Мы тут не игрушками да трусами торгуем — с собой торгуем... Молодость продай... продай молодость...”

В зале было пусто. Трое незнакомых посетителям что-то вяло обсуждали за одним из столов, нехотя потягивая пиво. Петрович за стойкой хотел казаться спокойным, но это ему мало удавалось. Костик со своим напарником, приглушив звук, подбирали какую-то мелодию, Люба от безделья тупо глядела в окно. Вообще, день был явно неудачным, в воздухе, казалось, растворилось напряжение, даже Маша пару раз выглядывала в зал. И вдруг дверь распахнулась. Люба от неожиданности вздрогнула. Петрович вышел из-за стойки с распростёртыми объятьями.

— О! Кто к нам пожаловал! Вазген, дарагой, а я уже и заждался. Вчера Колоня сказал, что ты зайдёшь, а тебя всё нет и нет. Я уж решил, что ты передумал.

— Решать буду я, а вот тебе придётся подумать, — то ли пошутил, то ли всерьёз сказал Вазген, раздеваясь.

Люба подошла к столу, за который сел Вазген.

— Что заказывать будете? Есть...

Петрович остановил Любу.

— Ты иди, я такого гостя сам обслужу.

Вазген подался вперёд, вцепившись злыми чёрными глазами в Любу.

— Любой зовут? Красивая, — желваки забугрились под седой щетиной на сморщенном лице Вазгена. — А ты, Петрович, не гони девочку, не гони! Или, думаешь, мне ты интереснее? Хотя интерес к тебе у меня имеется.

Петрович напрягся.

— Ну, так если разговор у тебя ко мне, тем более пусть идёт, — Петрович прикрыл собой Любу.

Жилистая рука Вазгена властно отстранила Петровича.

— Да нет, я ж говорю, пусть останется, она очень даже не помешает, вот увидишь. — Вазген не сводил с Любы глаз. — Мне деньги нужны. Все и завтра.

Петрович побагровел.

— Вазген, я же только открылся, какие деньги, ты обещал подождать!

— Долги надо отдавать, правильно я говорю, Люба?

Люба растерялась и не знала, что сказать.

— Вазген, ну, подожди хотя бы полгодика, я же весь в долгах, ещё не заработали, я и придумать не могу, где такую сумму взять, и в долг никто не даст.

— Подождать, говоришь, — Вазген медленно обвёл взглядом стены зала.

— Да ты что, Вазген, — губы Петровича затряслись, — кафе — всё, что у меня есть...

Вазген приподнялся, взял Любу за руку и усадил к себе на колени.

— А что, Люба, не надоело тебе на этого толстого дядю работать, давай поедem в сауну, отдохнём, грехи смоем перед Новым годом, то да сё, глядишь, и пролетят полгода как один день, а?

Люба попыталась встать.

— Да ты не вырывайся, — Вазген сильнее обнял Любу, — я тебе рай не обещаю, но красиво жить будешь, а Петрович уже не возражает. Так, Петрович?

И тут в душе Любы что-то окончательно сломалось, и вспыхнула холодная злоба на Петровича, на Машу, на Кольку, на весь белый свет.

— А я не вырываюсь, я хотела пойти одеться. Мы ведь прямо сейчас поедem?

— Прямо сейчас и поедem, — заулыбался Вазген, — а Петрович пусть пока думает.